

Этноэкономика как фактор развития регионов (на примере республик Калмыкии и Бурятии)¹

Алексеев С.Г., к.э.н., доцент кафедры экономики, организации и управления производством, ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», Элиста, Россия

Кованова Е.С., экономической безопасности, учета и финансов, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», Элиста, Россия

Бадмаева Н.В., научный сотрудник отдела комплексного мониторинга и информационных технологий ФГБУН «Калмыцкий научный центр РАН», Элиста, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты этноэкономики Калмыкии и Бурятии. Проанализировано изменение традиционного типа хозяйствования (пастбищное скотоводство) в годы советской власти, ее влиянии на современное состояние животноводства, в целом экономические, экологические процессы, происходящие в настоящее время в республиках. Выявлено, что этноэкономика наиболее успешно развивается в сфере услуг. Среди основных направлений развития этноэкономики выделяются этнический туризм, народные промыслы и ремесла, а также переработка сельскохозяйственного сырья и др.

Ключевые слова: этноэкономика, пастбищное скотоводство, этнический туризм, этнопредпринимательство, региональное развитие, Республика Калмыкия, Республика Бурятия.

Ethnoeconomics as a factor in the development of regions (on the example of the republics of Kalmykia and Buryatia)

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Социально-экономические траектории развития монголоязычных регионов России (на примере республик Калмыкия и Бурятия)» (грант РФФИ 19-010-01082).

Alekseev S.G., Ph.D., associate professor of the Department of Economics, Organization and Production Management of East Siberian State University of Technology and Management, Elista, Russia

Kovanova E.S., Ph.D., associate professor of the Department of Economic Security, Accounting and Finance Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova, Elista, Russia

Badmaeva N.V., Researcher, Department of Integrated Monitoring and Information Technologies, Federal State Budgetary Institution Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia

Annotation. The article discusses some aspects of the ethno-economy of Kalmykia and Buryatia. The author analyzes the change in the traditional type of management (pastoralism) during the years of Soviet power, its impact on the current state of animal husbandry, and in general the economic and environmental processes that are currently taking place in the republics. It was revealed that the ethno-economy is most successfully developing in the service sector. Among the main directions of development of the ethno-economy, ethnic tourism, folk crafts and crafts, as well as processing of agricultural raw materials, etc. are distinguished.

Keywords: ethnoeconomics, pastoralism, ethnic tourism, ethnic entrepreneurship, regional development, Republic of Kalmykia, Republic of Buryatia.

В России находятся два региона, в составе населения которых проживают монголоязычные народы, — Бурятия и Калмыкия. Республики территориально отдалены, однако сохраняют глубокие духовные связи, исповедуют одну религию. К настоящему времени проведено немало исследований по изучению историко-культурного, религиозного наследия этих этнически близких народов России, однако сравнительные социально-экономические исследования этих регионов не проводились. Несмотря на то, что Бурятия является регионом с индустриально-аграрным типом экономики, экономически более развитым,

инвестиционно-привлекательным регионом, а Калмыкия — республика со слаборазвитой экономикой, высоким уровнем миграции населения, традиционный тип хозяйствования — скотоводство, является приоритетным направлением развития сельского хозяйства и экономики в целом для обоих регионов.

Для Калмыкии и Бурятии скотоводство — ведущая отрасль экономики, где в то же время сохраняются ряд отдельных традиционных черт, обусловленных природно-климатическими и архаичными способами ведения хозяйства. Это, прежде всего, касается пастбищного скотоводства, называемого также отгонным, когда скот по сезонам перегоняется с одних пастбищ на другие.

Как отмечает В.В. Грайворонский, кочевая культура номадов, связанная с древними традициями и обычаями монгольских народов, известна своими наиболее естественными, экологически безопасными способами хозяйствования: «На протяжении многих веков скотоводы-кочевники накопили богатейший и во многом уникальный опыт общения с природой и окружающей средой, адаптации к суровым, аридным, резко континентальным условиям Центральной или Внутренней Азии. Они выработали и сохранили глубокие традиции уважительного, сакрального, бережного отношения к природе и рационального использования разнообразных природных ресурсов (естественные пастбища, поверхностные и подземные воды, кормовые, пищевые и лекарственные растения, домашние и дикие промысловые животные, лес, полезные ископаемые и др.)»².

Традиционный тип хозяйствования в годы социалистического переустройства сельского хозяйства был забыт на долгие годы.

Социалистическое переустройство сельского хозяйства предполагало кооперирование крестьянства в совхозы и колхозы. В виду того, что калмыки в то время еще вели кочевой образ жизни, объединение в колхозы вызывало

² Грайворонский В. В. Изменения в уровне жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в конце XX – начале XXI вв. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2013. – с. 101.

дополнительные трудности, поскольку этот процесс был связан с одновременным переходом к оседлости. Согласно концепции интенсификации животноводства предполагалось, что достаточно увеличить поголовье скота, ввозить недостающее количество кормов, построить откормочные комплексы, и Калмыкия станет крупным производителем мяса, кожи, шерсти. Но такая интенсификация, призванная увеличивать и удешевлять производство, дала обратный результат. Из региона стабильного животноводства в дооктябрьский период Калмыкия превратилась за советские годы не только в зону безнадежно убыточного сельскохозяйственного производства, но и в зону с утраченными пастбищами, с наступающей пустыней, то есть в зону экологического бедствия. Одной из главных причин, приведшей к такому результату, историки называют пренебрежением историческим опытом предков³.

Таким образом, мы видим, что начало этой негативной тенденции было положено в 1920-х годах форсированными темпами изменения привычного уклада жизни. В итоге за 1920–1930 гг. произошло коренное изменение структуры народного хозяйства, что при общей неготовности народа к такому переходу и отсутствию надежной кормовой обеспеченности закономерно привело к опустыниванию значительных пространств калмыцкой степи. Как отмечает А. Н. Команджаев, упадок хозяйственной культуры калмыков последовал в годы депортации и частично в 1960–1970 годы⁴. За эти годы были практически ликвидированы верблюдоводство, коневодство и разведение овец калмыцкой породы. Ныне 70% калмыцких домашних животных составляют тонкорунные овцы и 30% крупный рогатый скот. Также возросла доля растениеводства, что является неэффективным, а порой и губительным фактором в условиях аридной зоны. Такое нерациональное использование земель и пастбищ привело не только к упадку сельскохозяйственного производства, но и к признанию республики зоной экологического бедствия.

³ Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: Джангар, 1999. – с. 16.

⁴ Там же. С. 9

Изменения произошли и в Бурятии. С приходом советской власти, коллективизацией сельского хозяйства в Бурятии произошли коренные изменения. поголовная метизация крупного рогатого скота местной селекции в основном симментальским скотом, бурятских овец — меринсами, привела к изменению породного состава скота. В связи с изменением породного состава скота животные стали требовательными к условиям кормления и содержания. Если до метизации 90 % скормленных кормов составляли пастбищные корма, то уже в 1965 г. доля заготовленных стойловых кормов составила 53,3 %, а удельный вес пастбищных кормов соответственно снизился до 46,7 %. В 1975 г. стойловые корма составили 58,1 %, а пастбищные — 41,9 %. В структуре расхода стойловых кормов доля дорогостоящих концентрированных кормов в 1965 г. дошла 32,5 %, а в 1975 г. до 77,5 %⁵.

Понадобилось строить много теплых помещений с механизацией и автоматизацией основных производственных процессов. Только за 1981–1985 годы было построено животноводческих помещений для крупного рогатого скота на 57,1 тыс. скотомест, для овец — на 202 тыс. скотомест. В структуре производственных фондов сельскохозяйственного назначения удельный вес зданий и сооружений в колхозах и совхозах стал составлять 50 % и более.

Традиционный тип хозяйствования в рассматриваемых регионах занимает заметное место в экономике. Однако социально-экономические проблемы территорий влияют на миграцию населения, на количество людей, кто может и знает специфику пастбищного скотоводства.

В условиях спада основных показателей и низкого уровня социального самочувствия жителей рассматриваемых регионов, а также сельского населения занятие традиционным скотоводством обретает особый смысл, поскольку оно малозатратно, не требует дорогостоящих зданий и спецтехники, обеспечивает высокое качество экологической продукции, осуществляется, как правило, семьями.

⁵ Потаев В. С., Субанакоев Г.Ю., Азжаргал Х. О развитии традиционного и инновационного малого предпринимательства в пастбищном животноводстве Республики Бурятия и Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2015. – №3. – с. 21,22.

Последние годы достаточно успешно развивается этноэкономика т.е. территориально локализованный сегмент, который ассоциируется с традиционными видами трудовой деятельности местных народов.

В. Н. Овчинников, Ю. С. Колесников к характерным чертам этноэкономики относят:

- доминирование неформальных институтов;
- господство традиционных, преимущественно аграрных форм хозяйственной деятельности;
- сочетание натуральных и мелкотоварных форм производства, замкнутость домохозяйств, малоразвитость обмена;
- -немобильные ресурсы, присущие местной среде обитания;
- эмпирический хозяйственно-трудовой опыт, использование кустарных ремесел и надомного труда;
- экстенсивный тип занятости с использованием сырьевой хозяйственной инфраструктуры, доминирование ручного труда;
- низкая социальная и территориально-пространственная мобильность населения⁶.

Они отмечают, что одним из наиболее существенных признаков этноэкономики является применение традиционных для этнически выраженных регионов методов ведения производственной деятельности, личного подсобного и домашнего хозяйства. Особенно ярко это проявляется в хозяйственных укладах казачества, горных народов Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, в Калмыкии.

В настоящее время, как отмечают ряд исследователей, этноэкономика наиболее успешно развивается в сфере услуг. Среди основных направлений развития этноэкономики выделяются этнический туризм, народные промыслы и ремесла, а также переработка сельскохозяйственного сырья.

⁶ Овчинников В. Н., Колесников Ю. С. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. – 2006. – №1. – с. 118.

Этнопредпринимательство является одной из перспективных сфер этноэкономики регионов, так как оно способствует росту самозанятости и доходов населения, сохранению сельских поселений, традиционных видов природопользования, уникальных технологий производства. Популярность этнотуризма, этномузыки, этнопродукции как экологически чистой, этноресторанов, изделий ручной работы в сегменте этномоды, этнодизайна в последние годы свидетельствуют о перспективах этнобизнеса⁷.

Среди разных направлений деятельности в сфере создания туристической привлекательности регионов и поддержки традиционной культуры самыми яркими являются фестивали, выставки, конкурсы народного искусства, особенно сопровождаемые мастер-классами того или иного ремесла.

Активное возрождение Буддизма, восстановление, развитие национальной культуры, природные ресурсы, делают рассматриваемые нами регионы особенно привлекательными для туристов. Культурные мероприятия, проводимые в этих республиках, входят в число топ-направлений событийного и экотуризма в России.

Таким образом, этноэкономика данных регионов, сменившая хозяйственную специфику на спецификацию в сфере услуг, является одним из ресурсов развития рассматриваемых республик.

Статья подготовлена в рамках проекта «Социально-экономические траектории развития монголоязычных регионов России (на примере республик Калмыкия и Бурятия)» (грант РФФИ 19-010-01082)

⁷ Дугужева М. Х. Нематериальное культурное наследие как скрытый ресурс социально-экономического развития государства // Вестник Юридического факультета Финансового университета. Т. 3.– Москва: КНОРУС, 2018. – С. 98,99.

Библиографический список

1. Грайворонский В. В. Изменения в уровне жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в конце XX – начале XXI вв. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2013. – 284 с.

2. Дугужева М. Х. Нематериальное культурное наследие как скрытый ресурс социально-экономического развития государства // Вестник Юридического факультета Финансового университета. Т. 3. Правовые проблемы взаимодействия личности, общества, государства в условиях цифровизации: сборник научных трудов бакалавров, магистрантов, аспирантов, преподавателей, юристов-практиков по итогам международной научно-практической конференции «Территория права – территория жизни», посвященной 20-летию Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. – Москва: КНОРУС, 2018. – С. 97–103.

3. Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: Джангар, 1999. 262 с.

4. Овчинников В. Н., Колесников Ю. С. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. – 2006. – №1. – С. 118–123.

5. Потаев В. С., Субанатов Г.Ю., Азжаргал Х. О развитии традиционного и инновационного малого предпринимательства в пастбищном животноводстве Республики Бурятия и Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2015. – №3. – С. 20–28.

References

1. Graivoronsky V. V. Changes in the standard of living of the population of Buryatia (Russia), Mongolia and Inner Mongolia (China) at the end of the XX - beginning of the XXI centuries. – М.: Institute of Oriental Studies RAS, 2013. – 284 p.

2. Duguzheva M. Kh. Intangible cultural heritage as a hidden resource of the socio-economic development of the state // Bulletin of the Law Faculty of the Financial University. T. 3. Legal problems of the interaction of an individual, society, and the state in the context of digitalization: a collection of scientific works of bachelors, graduate students, graduate students, teachers, legal practitioners based on the results of the international scientific-practical conference “Territory of Law - Territory of Life” dedicated to the 20th anniversary of Faculty of Financial University under the Government of the Russian Federation. - Moscow: KNORUS, 2018. – pp. 97–103.

3. Komandzhaev A. N. The economy and social relations in Kalmykia in the late XIX - early XX centuries: historical experience and modernity. Elista: Dzhangar, 1999. 262 p.

4. Ovchinnikov V. N., Kolesnikov Yu. S. Ethnoeconomics as a development factor // Problems of forecasting. – 2006. – No. 1. – pp. 118–123.

5. Potaev V. S., Subanakov G. Yu., Azzhargal Kh. On the development of traditional and innovative small business in grazing of the Republic of Buryatia and Mongolia // Bulletin of the Buryat State University. Economics and management. – 2015. – No. 3. – pp. 20–28.